

Н. Ильминский

**Ученые записки
Императорского Казанского
Университета**

**Книга 3. Вступительное чтение
в курс турецко-татарского
языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Ильминский**
Ученые записки Императорского Казанского Университета: Книга 3. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка / Н. Ильминский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 59 с.

ISBN 978-5-4241-6210-7

ISBN 978-5-4241-6210-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

торыхъ составляютъ задачу этихъ наукъ, сами по себѣ невидимыя, таинственныя, и притомъ совершенно объективныя, открываются уму человѣческому только въ своихъ видимыхъ произведеніяхъ, въ каждомъ отдѣльно той или другой стороною. Потому составить идею о силахъ природы, во всей ихъ цѣлостности, и можно не иначе, какъ чрезъ всеобъемлющій пересмотръ всѣхъ и каждого изъ произведеній природы.

Методъ точнаго и всеобъемлющаго анализа и совершенное уваженіе къ фактамъ живой дѣйствительности съ пользою можно приложить къ языкованію, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Ни одинъ народъ не сохранилъ памяти о томъ какъ полагались первыя основы и совершалось первое образованіе языка его. Значить, происхожденіе языка предшествовало раскрытію въ человѣкѣ сознательнаго наблюденія своей внутренней дѣятельности. Значить, человѣкъ создавалъ языкъ не такъ чтобы, пріобрѣтши сперва болѣе или менѣе значительный запасъ идей и ощущеній, потомъ уже вслѣдствіе общежительныхъ потребностей, чрезъ добровольное соглашеніе съ подобными себѣ, устанавливалъ онъ названія вещей и формы для выраженія своихъ мыслей и ощущеній. Напротивъ, какъ скоро возникало въ душѣ его какое-либо сильное ощущеніе, или умъ озарялся ясною мыслию, внутренняя прирожденная человѣку сила слова, безъ всякаго соглашенія, безъ всякаго со стороны его умысла, произвола, даже сознанія, проторгалась въ рѣчи. Это такъ же необходимо, какъ необходимъ крикъ при ощущеніи сильной тѣлесной боли. Съ

этими соглашается библейское преданіе (Книга Бытія 2, 19 и 20). Это же подтверждается опытом малолѣтнихъ дѣтей, которые, какъ только ихъ органъ слова окрѣпнетъ и получитъ способность произносить члено-раздѣльные звуки, часто создаютъ для выраженія своихъ идей свои собственные слова.

Если же языкъ возникъ и сформировался безъ всякаго со стороны человѣка произвола и сознанія, или искусственнаго построения, то значитъ что сила слова, по отношенію къ нашему сознанію, имѣетъ значеніе вполне объективное, и языкъ въ такой же степени есть естественное произведеніе этой силы, какъ тѣла физическія суть произведенія силъ природы. И потому изъ внутренняго самосозерцанія, синтетическаго построенія, нельзя постигнуть ни самой силы слова, ни законовъ и родовъ ея произведеній. Это можно исполнить приѣмомъ и методомъ точныхъ наукъ.

Припомнимъ то явленіе, что каждый человѣкъ на родномъ языкѣ выражаетъ свои мысли свободно, но почему онъ такъ именно, а не иначе выразился, это можетъ объяснить не всякій, да и то особымъ актомъ духовной дѣятельности, чрезъ отвлеченіе. Еще, живыя, энергическія и граціозныя произведенія поэзіи нерѣдко были плодомъ непосредственнаго народнаго вдохновенія, а составленныя риториками правила нерѣдко пораждали вирши сухія, черствыя, даже уродливыя. Но особенно замѣтно проявляется творческое превосходство непосредственнаго народнаго гѣнія въ отдѣльныхъ словахъ: слова созданья имъ всегда полны смысла, благозвучны, правильны и всѣмъ народомъ приняты

какъ свое родное, тогда какъ введенные ученые термины върѣдко странны, чужды духу языка, и народъ ихъ не принимаетъ.

Назвавши языкъ естественнымъ произведеніемъ объективной силы слова въ такой же степени, какъ тѣла физическія суть произведенія силъ природы, мы можемъ предположить параллель между дѣятельностями этихъ силъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Какъ силы природы въ первые времена дѣйствовали съ особенною энергіей и колоссальною производительностію, такъ можно предположить что и мысль человѣческая и сопутствующая ей сила слова въ первое время, когда, новыя, свѣжія, эти силы впервые пришли въ соприкосновеніе съ виѣшнимъ міромъ, дѣйствовали съ необыкновенною энергіей и производительностію. Языки, повидному, создались сразу, по крайней мѣрѣ въ главныхъ, характеристическихъ чертахъ. Первое движеніе мысли и слова, обусловленное, вромѣ внутренней природы самихъ этихъ силъ, еще тѣми сторонами какими виѣшняя природа вoadѣйствовала на нихъ, опредѣляло направленіе и характеръ въ которыхъ имъ оставалось продолжать начатое дѣло. Затѣмъ тянулся болѣе или менѣе длинный періодъ, когда языкъ развивался однообразно, медленно, почти незамѣтно. Но наступали перевороты, подобныя переворотамъ мировымъ, когда языкъ получалъ къ первому направленію новое, обогащался новыми формами и новыми сочетаніями и словами. Перевороты въ природѣ происходили отъ новаго сооставленія силъ, пришедшихъ въ борьбу разрушавшую старый порядокъ и

производившую новый строй: перевороты въ языкѣ могли возникать отъ сопоставленія различныхъ направленій слова и мысли, то—есть отъ столкновенія различныхъ народовъ и племенъ.

Не стану впрочемъ развѣивать фантастическое построеніе исторіи образованія языковъ. Это есть искомое филологической науки, и должно завершать ея изслѣдованія. Но мнѣ представляются положительно вѣрными слѣдующія положенія.

Языкъ есть естественное произведеніе объективной силы слова.

Онъ есть точное отраженіе мысли, и всегда шёлъ въ уровень съ развитіемъ понятій въ народѣ.

Онъ возникъ и опредѣлялся въ главныхъ существенныхъ чертахъ на основаніи цѣльнаго воззрѣнія на природу внутреннюю и внѣшнюю, и развивался въ духѣ и направленіи искони положенныхъ началъ.

Послѣдующія измѣненія въ языкѣ происходили отъ соприкосновенія съ чужими племенами, имѣвшими свой языкъ и свой кругъ идей, но однакожъ эти новыя идеи и формы ихъ выраженія всегда ассимилировались народомъ ихъ воспринимавшимъ.

Итакъ языкъ представляетъ собою организмъ. Будемъ ли разсматривать въ настоящемъ его составѣ, это есть цѣлое построенное по нѣкоторому плану, по нѣкоторымъ законамъ. Если будемъ смотрѣть на языкъ исторически, во все продолженіе времени отъ его возникновенія до нынѣ, онъ есть какъ-бы живое существо, которое родилось по опредѣленному типу, развивалось, терпѣло отъ времени до времени пере-

мѣны, не выходя изъ границъ своего кореннаго типа. и, не смотря на долгій рядъ столѣтій, сохраняло внутренне единство, свой характеръ, свой природный типъ. Нельзя не подивиться этой прочности языка, его неизмѣнной вѣрности своей первоначальной природѣ, когда представляешь что этотъ организмъ не имѣетъ самостоятельнаго бытія, а существовать, какъ нѣкій паразитъ, въ мысли и устахъ многочисленныхъ поколѣній какъ волны одни другими сдѣлавшихся, и различныхъ племенъ, хотя существующихъ въ одно время, но другъ отъ друга отдаленныхъ и даже, быть можетъ, не подозрѣвающихъ существованія другъ друга. По этой-то удивительной стойкости и прочности языка, при его непосредственной связи съ мышленіемъ народнымъ, филологія оказываетъ великія услуги исторіи, выводя изъ часто лигвистическихъ изысканій положительныя заключенія объ умственномъ и общественномъ состояніи племенъ въ такое древнее время, отъ котораго не осталось никакихъ памятниковъ, никакихъ слѣдовъ.

Но обратимся къ языку Турецко-Татарскому. Замѣчу мимоходомъ что предметъ нашихъ занятій назвать этимъ именемъ произвольно, и не совсѣмъ точно. Его лучше было бы назвать языкомъ Тюркскимъ, потому что онъ принадлежитъ Тюркамъ, и восточные народы называютъ его *тюрки*.

Мы знаемъ что Тюркскій языкъ теперь есть выраженіе общее, родовое, отвлеченное, которое обнимаетъ много разныхъ діалектовъ. Но было, безъ сомнѣнія, время когда тюркское племя было одно, когда оно не развѣтвилось еще на разные отрасли, когда слѣдовательно и языкъ Тюркскій

былъ единый языкъ. По раздѣленіи тюркскихъ племенъ, у каждаго явились особенности въ нарѣчіи. Эти діалектическія различія зависятъ: или отъ того что изъ богатой сокровищницы кореннаго языка одно племя беретъ одну часть, другое — другую, или отъ того что разныя племена развиваютъ различныя стороны, которыя въ зачаткѣ уже существовали въ коренномъ языкѣ до эпохи раздѣленія племенъ, или отъ того что разныя племена подвергались различнымъ вліяніямъ отъ чужихъ племенъ — вліяніямъ общественнымъ, умственнымъ и религіознымъ. Слѣдовательно по одному нарѣчію нельзя знать что въ немъ свое коренное и что пришлое, что хранится неизмѣнно, какъ наслѣдство вывезенное изъ общей родины, и что выработано собственною отдѣльною дѣятельностію. Хотя каждое тюркское нарѣчіе носитъ на себѣ печать общаго тюркскаго типа, не можетъ представлять его вполне и именно въ его существенныхъ чертахъ. Только изъ всѣхъ нарѣчій слагается общая сумма Тюркскаго языка. Отдѣльный діалектъ, сколько бы онъ ни былъ развитъ и богатъ, какъ напримѣръ Османскій или константинопольскій, въ дѣлѣ филологическаго изученія, есть только частный представитель общаго типа, не имѣющій рѣшительнаго преимущества предъ другими родственными нарѣчіями. Даже, если его поставить предметомъ изученія, то и онъ одинъ не можетъ основательно быть понятъ безъ сравненія съ другими тюркскими нарѣчіями.

Итакъ, для основательнаго и полнаго изученія Тюркскаго языка, необходимо принять во вниманіе и изучать всѣ тюркскія нарѣчія, какъ равнозначашіе представители общаго

зыка, одни другими дополняющиеся, одни другими объясняемые.

Необходимость эта еще очевиднее представится, когда въ словарь и грамматическихъ формахъ языка мы будемъ слѣдить запасъ идей и воззрѣній, какія были выработаны Тюрками въ древнія времена. Тюрки въ старину были племя кочевое, исповѣдывавшее шаманскую вѣру. Впослѣдствіи времени нѣкоторыя племена приняли религію ислама, а нныя, кромѣ того, оставили кочевую жизнь и поселились въ городахъ и селеніяхъ, осѣдо. Разность быта и особенно религіи должна была имѣть вліяніе на ихъ понятія. Поэтому, въ отношеніи археологическомъ, весьма любопытны нарѣчія Тюрковъ доселѣ оставшихся кочевыми, и еще болѣе любопытны тѣ племена, которыя удержали древнюю вѣру, шаманскую. Но иногда бываетъ и то что, утративъ старинную идею, народъ безсознательно хранитъ, какъ памятникъ ея, какое-нибудь слово или выраженіе, придавая ему другое значеніе. Чтобы восстановить систему первоначальнаго воззрѣнія Тюрковъ, необходимо собрать въ одинъ фокусъ все нарѣчія и изъ сравнительнаго изученія ихъ выводить заключеніе о первоначальномъ ихъ состояніи.

Надѣюсь что, по крайней мѣрѣ, мой выводъ о сравнительномъ изученіи тюркскихъ нарѣчій не долженъ казаться неяснымъ для слушателей-филологовъ, которые имѣютъ дѣйствительный примѣръ подобнаго изученія въ нарѣчіяхъ Словенскихъ.

Перейдемъ теперь къ цѣли практической. Тюркскій языкъ для насъ полезенъ въ сношеніи съ Тюрками.

Самое могущественное въ политическомъ и наиболѣе развитое въ общественномъ отношеніи изъ тюркскихъ племенъ суть Османлы — оттоманскіе или константинопольскіе Турки. Съ этими сильными сосѣдями Россія съ давнихъ поръ имѣетъ сношенія, преимущественно политическія. Съ давнихъ поръ, у насъ были люди знавшіе Османское нарѣчіе или, какъ его называютъ, Турецкій языкъ. Мнѣ случилось видѣть въ Киргизской степи двѣ тарханныя грамоты пожалованныя батырямъ и старшинамъ Табынскаго рода Императрицею Екатериною II, въ 80-хъ годахъ. Грамоты эти на Русскомъ языкѣ, но, вѣроятно чтобы ихъ сдѣлать понятными для Киргизовъ, онѣ были переведены тогда же въ Петербургѣ на Турецкій языкъ. При тойже Императрицѣ, для татаръ переведены Губернскія учрежденія и Уставъ благочинія также на Турецкій языкъ. Отсюда можно заключить что, по видимому, въ прошломъ столѣтіи, въ Иностранной Коллегіи знали только Турецкій языкъ, по крайней мѣрѣ считали его вполне достаточнымъ и совершенно понятнымъ для всѣхъ народовъ тюркскаго корня.

Внутри нашего отечества есть множество инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ татаръ. Мы говоримъ: татары Казанскіе, Касимовскіе, Астраханскіе, Крымскіе, Сибирскіе и проч. Такъ что, по нашей терминологіи, татаринъ есть всякій инородецъ тюркскаго корня, исповѣдующій, въ добавокъ, магометанскую вѣру. Здѣшніе татары не называютъ себя этимъ именемъ. Они называютъ себя *мусульманъ* — по религіи, и не даютъ себѣ, кромѣ этого, никакого племеннаго или народнаго названія. Среднеазиатскіе народы и Киргизы назы-

вають адѣшнихъ татаръ — *мосей*. Въ старину, какъ показано въ Книгѣ большаго чертежа, на сѣверо-западъ отъ Сяняго (Аральскаго) моря до Янка и сюда ближе, кочевали Ногаи: такъ по старой, быть можетъ, памяти всякаго тюрка, который появлялся, напримѣръ, въ Бухарѣ съ этой стороны и называютъ ногаемъ. Сравнительное языкованіе должно рѣшить изъ какаго тюркскаго племени выродились наши адѣшніе татары, — изъ ногайскаго ли въ самомъ дѣлѣ, или другаго какаго, но только не изъ татарскаго.

Въ древности Татаръ было сильное племя, которое, по указанію Рашидеддина и китайскихъ лѣтописцевъ, жило ближе къ Китайской границѣ, и относилось по языку къ монгольской группѣ, такъ что подъ этимъ именемъ были сначала извѣстны и монголы и Чингизъ-Ханъ и происшедшая отъ него династія (Труды Восточн. Отд. Археолог. Общ., часть IV, 216 — 235 и еще часть V, 49 — 70). Припомните что палскіе и другіе европейскіе посланники отправлялись въ глубину Азіи — къ татарамъ. Такимъ образомъ можно думать что, въ эпоху Золотой Орды, татаръ было названіемъ царствующей династіи: авторъ «Семи планетъ» династію крымскую, происшедшую отъ золотоордынской, называетъ *деулетим-татаръ*. Отъ династіи это названіе распространилось и на подданныхъ, къ каковымъ бы племенамъ они ни относились, — китайскій обычай называть народъ и страну по имени царствующей династіи.

Золотая Орда разрушилась. Изъ обломковъ ея образовалось Казанское Царство. Казань едѣлась предводительницею Татаръ.

Казань и теперь есть важный и, можно сказать, центральный пунктъ для мусульmano-тюркскихъ жителей Россіи. По многочисленнымъ училищамъ въ городѣ и окрестностяхъ, по учености здѣшнихъ муллъ, съ другой стороны — по торговой предприимчивости здѣшнихъ татаръ, наконецъ по книжной промышленности исключительно изъ Казани распространяющейся повсюду, значеніе и извѣстность Казани велики и обширны.

Надобно отдать справедливость здѣшнимъ мулламъ — образованнѣйшему и уважаемому сословію между татарами, за ихъ магометанско-религіозную ученость, долгимъ и тяжелымъ трудомъ приобрѣтаемую. Но также справедливость требуетъ сказать что они имѣли вредное вліяніе на татарскій языкъ. Они постоянно смотрѣли и смотрятъ на языкъ какъ книжники. Живой, народный языкъ для нихъ представляется и грубъ и бѣденъ, и даже безъ всякихъ правилъ и законовъ. И произвели они книжный языкъ, который считается тѣмъ лучше и краснорѣчивѣе, чѣмъ дальше онъ отъ народной рѣчи, чѣмъ больше укрытъ лоскутьями изъ разныхъ другихъ языковъ — арабскаго и персидскаго, и грамматическими формами то османскими, то джагатайскими. Онъ не сложился во что-нибудь опредѣленное, что можно было бы назвать языкомъ, потому что каждый пишетъ по своему вкусу и крайнему разумѣнію, имѣя, кажется, общее одно — опасеніе какъ бы не написать по простонародному. Замѣтимъ что муллы старались, и не безъ успѣха, уничтожить въ народѣ остатки ихъ древнихъ, домусульманскихъ преданій и обычаевъ.